

Н. Е. НОСОВ

**УСТАВНАЯ КНИГА
РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА 1555—1556 гг.**

Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. была обнаружена А. А. Зиминим в начале 50-х гг. в одном из рукописных сборников XVII—XVIII вв., хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, и им же опубликована в IV выпуске «Памятников русского права» (М., 1956). Комментарии к книге были составлены А. Г. Поляком совместно с А. А. Зиминим. Это по существу первый и единственный общий анализ книги, имеющийся в научной литературе. Специального текстологического изучения Уставной книги пока нет. В то же время Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. является не только важнейшим источником по истории уголовного права в России, но и вообще наиболее ранней из известных нам уставных книг московских приказов. Все дошедшие до нас уставные или указные приказные книги составлены, видимо, лишь в начале или середине XVII в. Наиболее ранняя из них — Указная книга приказа Холопьего суда, содержащая указы за 1597—1609 гг. Что касается так называемой «указной книги ведомства казначеев» (Казенного приказа) 1550—1560 гг., то она создана М. Ф. Владимирским-Будановым, назвавшим ею собрание дополнительных статей к Судебнику 1550 г.¹ В XVI в. такой книги «ведомства казначеев» могло не быть.²

Цель настоящей статьи — дать историко-текстологический анализ Уставной книги Разбойного приказа 1555—1556 гг. и определить ее место в судебно-административных реформах 50-х гг. XVI в. как важнейшего источника по истории губного управления в России.

Указанный рукописный сборник написан различными почерками XVII—XVIII вв. и включает законодательные материалы начиная от Русской правды и кончая царскими указами, приговорами и наказами XVI—XVII вв. Уставная книга Разбойного

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права, в. III. Изд. 2-е. Киев, 1885, с. 1—42. — Такой же точки зрения при издании «Памятников русского права» придерживался и А. А. Зимин, отмечавший, что «первая редакция дополнительных статей (к Судебнику 1550 г. — Н. Н.) составлена до 1 ноября 1560 г.», но «поскольку все указы и приговоры», за исключением памяти 5 мая 1555 г. о правяже исков и губного уложения 22 августа 1556 г., «имевшего общегосударственное значение», «сохранились в составе дьячих памятей, направленных казначеям с 5 мая 1555 г. по 15 октября 1560 г., постольку мы можем первую редакцию дополнительных статей назвать книгой ведомства казначеев (государева казна в середине XVI века была центральной государственной канцелярией)» (ПРП, в IV, с. 543—544).

² Мюллер Р. Б. Законодательные акты второй половины XVI—первой половины XVII в. и принципы их издания. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 87.

приказа 1555—1556 гг. помещена в сборнике за Судебником 1550 г., после дополнительных указов и указных книг Холопьего и Земского приказов.³ Книга сформирована из следующих постановлений, касающихся нового губного ведомства: 1) Приговор о разбойном деле 18 января 1555 г.; 2) Память 5 мая 1555 г., содержащая указ о правеже исков; 3) Медынский губной наказ 25 августа 1555 г.; 4) Указ о татебных делах 26 ноября 1555 г.; 5) Приговор по сыскным и судебным делам 22 августа 1556 г. По своему составу, как мы видим, книга является собранием царских постановлений (указов, приговоров и губного наказа) по уголовным делам, без всякой их переработки или кодификации. В законодательном делопроизводстве XVI—XVII в., хранящемся в Разбойном приказе, она фигурировала под двумя названиями — «уставной» и «указной» книги. «А у подлинной уставной книги у того боярского доклада и у государева царева и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии указу и у государева приговору з бояры дьячьи приписи нет», — сообщает ее переписчик после изложения приговора о судебных делах 22 августа 1556 г., которым книга завершается. И далее делает еще более конкретное разъяснение, удостоверяющее ее подлинность: «Да в том же приговоре на третьемнадцатом листу на исподнем поле написано имя дьяка Григорья, а прозвище ему в той уставной книге не писано»⁴ (видимо, это дьяк Разбойного приказа Григорий Пестов, подписывавший губные наказы 1555 г.).⁵ Это дает основание полагать, что в наших руках первая Уставная книга Разбойного приказа, выдержка из которой приводится в Указной книге Земского приказа XVII в.: «И в Разбойном приказе в указной книге лета 7064 году написано...».⁶ Именно о данной книге идет речь в Уставной книге Разбойного приказа 1616/17 г., составители которой отмечают, что «при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси в Уставной книге написано, которая книга была в Разбойном приказе за прописью дьяков Василия Щелкалова и Мясоеда Вислова». Эта книга и подверглась по царскому

³ Состав сборника следующий: 1) типовые писцовые наказы XVII в. (л. 1—67); 2) указы второй половины XVII в. (л. 68—97); Русская Правда (л. 98—131 об.); 3) Судебник 1550 г. (л. 133—164); 4) указы XVI в. (л. 164—177); 5) указная книга приказа Холопьего суда (л. 177—184 об.); 6) указная книга Земского приказа (л. 185—236 об.); 7) первая уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг., с включением в нее Медынского губного наказа 1555 г. (л. 237—267); 8) вторая уставная и указная книги Разбойного приказа 1616—1648 гг. (л. 267 об.—363), с включением здесь губных наказов 1555 г. во Владимир, Переяславль-Рязанский и Старую Рязань; 9) указы второй половины XVII в. (л. 364—389); 10) новоторговый устав (л. 370—422); 11) указная книга Поместного приказа 1672 г. (л. 428—596 об.); 12) указы второй половины XVII в. (л. 597—851) (ГБЛ, ф. 282, собр. рукописей Генерального штаба, № 68). Обе книги Разбойного приказа написаны почерком середины XVII в.

⁴ ПРП, в. IV, с. 370.

⁵ Зимин А. А. Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, М. 1956, в. 18, с. 220, 229.

⁶ АИ, т. III, № 92.

распоряжению переработке и дополнению в 1617 г.⁷ Что же касается указания в ней на дьяков В. Щелкалова и М. Вислова, то, поскольку данные дьяки служили в Разбойном приказе лишь в 60-х гг. XVI в.,⁸ видимо, имелась в виду не первая Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг., которую заверил дьяк Григорий Пестов, а лишь хранящаяся в приказе официальная копия с нее, подписанная этими дьяками. Возможно, она была дополнена и рядом новых постановлений по разбойным делам.

Уложение 18 января 1555 г., которым открывается книга, может быть разделено на 13 статей (в самой рукописи нумерации статей нет). Уложение, по всей видимости, представляет собой ответы на специальные запросы Разбойного приказа, как это обычно имело место в законодательной практике XVI в. Иначе говоря, перед нами не новый губной устав, а ряд постановлений по разбойным делам, объединенных определенным тематическим единством и дополняющих или изменяющих отдельные положения губных наказов.

Статьи 1—2. Рассматривается вопрос о вершении дел о лицах, оговоренных разбойниками, как их соучастники. Имеются в виду два казуса. Первый казус (ст. 1), когда пойманный разбойник «на себя и на своих товарищев учнет говорить», сообщит, «что кому розбойного досталось», и это будет подтверждено изъятием у оговоренного человека поличного (награбленного и схороненного им имущества), по сам он даже под пыткой не признает своей вины. Решал обыск. Если в обыске оговоренного человека называли «лихим», то вина его считалась доказанной и его следовало «по обыску и по розбойничьим речем и по поличному казнить», т. е. предать смертной казни. В XVI в. разбойников вешали. Второй казус (ст. 2) предусматривал более сложный случай: не только отрицание вины оговоренным человеком на пытке, но и отсутствие прямых улик — поличного (пойманный разбойник даже не укажет, что «кому разбойное досталось»). И тут решающим доказательством были данные обыска. Человек, объявленный на обыске «лихим», предавался смертной казни. Но последнее предписание — это уже отступление от норм Судебника 1550 г., по которому без признания своей вины на пытке невозможно вынесение смертного приговора даже «лихому человеку», задержанному с поличным или совершившему две кражи (статьи 52, 56).⁹

Ст. 3 посвящена ведению следствия по частным искам — «на которых людех исцы ищут разбоев». Речь идет о ситуации, когда обвиняемые отрицают свою вину и на них не говорят на пытках другие разбойники («языки»), но в обыске их назовут «лихими людьми», хотя и не приведут «доводов» (конкретных

⁷ Там же, № 167.

⁸ ААЭ, т. II, № 225, с. 386.

⁹ Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, с. 157, 158.

улик). Таких лиц предписывалось пытать, и если они и под пыткой будут отрицать свою вину, то «тем людем сидети в тюрьме до смерти по обыскам». Другое дело лица, на которых в обыске скажут, что они «лихие люди», и «в лихе на них доведут», и на пытке они «на себя скажут» — этих полностью уличенных разбойников следовало казнить.

Таким образом, по сравнению с уголовными нормами Судебника 1550 г., в основе которых лежало, как правило, судебное обвинение, а одними из основных форм доказательства были судебный поединок («поле») и крестное целование, новое губное право, как право, применяемое к «лихим людям», полностью базировалось на сыском процессе, выдвигая главными свидетельствами виновности задержанного разбойника личное признание на пытке и обличование на обыске. Естественно поэтому, что организация обысков о «ликих людех», а главное — установление ответственности опрашиваемых лиц за свои показания нуждались в тщательной регламентации. Общие предписания губных наказов конца 40-х—начала 50-х гг., что губные старосты должны «обыскивать про ликих людей, про розбойников и татей, князьями, детьми боярскими, всякими служилыми людьми», а также старостами, сотскими и всеми крестьянами «по крестному целованью» и духовенством (игуменами, попами, дяконами) — «по священству», были недостаточны (см. белозерские губные наказы Судской волости от 9 октября 1549 г. и селам Кирилло-Белозерского монастыря от 27 сентября 1549 г. и сентября 1550 г.).¹⁰ Требовались конкретные меры по пресечению лжесвидетельства, а также специальные разъяснения, как проводить обыск (а тем более оценивать его результаты), если показания опрашиваемых лиц будут неодинаковы. Ответы на эти вопросы и содержатся в статьях 4 и 5 уложения.

Ст. 4 (ср. статьи 6 и 7 Медынского губного наказа от 27 августа 1555 г.)¹¹ рассматривает случай, когда какой-либо человек будет обвинен в «лихом деле», разбое или татьбе двумя или тремя «языками», т. е. подвергнутыми пытке «лихими людьми», но при обыске голоса распадутся: одна половина обыскных людей назовет его «добрым человеком», а другая — «лихим». Такой подозреваемый преступник подлежал пытке. Если обвиняемый не признавался на пытке, значит, не подлежал казни (по Медынскому губному наказу будет посажен в тюрьму до смерти); если же после того прибудет на него «иное лихое дело в розбое или в татьбе», он немедленно предавался смертной казни (никакого нового расследования уже не требовалось). Имущество казненных преступников, согласно Медынскому губному наказу, следовало отдать в уплату половины истцовых исков. Подвергались наказанию и одобрявшие разбойников обыскные люди, с них взыскивалась «выть»

¹⁰ ААЭ, т. I, № 224; Архив ЛОИИ СССР, к. 11, сб. 112, отд. IV, № 22; ГПБ, СПб. дух. акад., А II/47, № 104.

¹¹ ПРЦ, в. IV, с. 179—185.

(штраф, распределяемый по долям среди виновных). Сверх того, по тому же Медыньскому наказу двое или трое «лучших людей» из их числа подвергались телесному наказанию — битью кнутом, как это и предусмотрено в ст. 5 уложения.

Действительно, ст. 5 рассматривает разновидность этого же случая. Согласно ст. 5, оговоренного человека только одним «языком», после проведения обыска, во время которого одна половина людей назвала его «добрым», а другая — «лихим» человеком, надлежало пытаться. Если он на пытке не признавался, то его отдавали «на поруки» за обыскных людей, которые его одобрили, а с него взыскивалась «выть». Предусматривалось и иное решение, когда обыскных людей, назвавших его «лихим», больше, чем его одобрявших, но не менее 15—20 человек (квалификационный минимум). Тогда оговоренного, но не признавшегося на пытках человека сажали в тюрьму до смерти, а его имущество («животы») отдавали истцам в «выти» на покрытие, видимо, половины их исков (Медыньский губной наказ — «животы его отдати исцом вполоы исцовых исков»). При прибытии «после того» на этого обличованного человека «инога лиха» в разбойном деле его казнили. Наказывались и лица, одобрявшие его; с них взималась «выть», а двоих или троих «лучших людей» били кнутом.

В ст. 6 речь идет о поимке приезжего разбойника «с поличным» у кого-либо во дворе в Москве или в ином городе, «в которой сотне». Под сотней здесь понимается административно-полицейский округ, подведомственный сотским (условно 100 дворов), в обязанность которых, согласно еще учредительным губным грамотам конца 30-х—начала 40-х гг. XVI в., входили надзор вместе с пятидесятскими и десятскими за всеми приезжими в города или в торговые села людьми и задержание разбойников.¹²

В приговоре определяется характер следствия и расправы над посадским человеком, в доме которого будет задержан разбойник и изъято поличное. В первую очередь следовало пытаться пойманного разбойника и узнать у него, как давно он приезжает к хозяину двора и привозит «разбойную рухлядь», а главное — знает ли последний, что эти вещи с разбоя. Если это было известно хозяину двора, то пытали уже его самого как соучастника разбоя (укрывателя и содержателя притона), а с его сотни взималась «выть» (на этот раз штраф, но в долевой раскладке между членами сотни). Если же на пытке, которой будет подвергнут задержанный разбойник, будет установлено, что хозяин двора не знал, что его постоялец — разбойник и привозит к нему вещи с разбоя, то тогда надлежит провести в сотне обыск. Назовут хозяина двора «добрым» человеком — он передается «на поруку» за обыскных людей и с сотни «выть» не взимается, назовут «лихим» — пытаются. Иначе говоря, хозяин двора сам признавался

¹² См. губные грамоты Соли-Галицкой от 31 августа 1540 г. и Троицкому Сергиеву монастырю от 23 ноября 1541 г. на его торговые села в Тверском, Новоторжском и Старицком уездах (ААЭ, т. I, № 192, 194).

преступником и на него распространялся следственный процесс, применяемый к «ведомым лихим людям», итогом которого могли быть только смертная казнь (при признании на пытках) или как крайний случай пожизненное заключение (при отрицании своей вины).

Статьи 7 и 8 определяют наказание за невыполнение губными старостами своих обязанностей. Тех губных старост, которые избраны к разбойному делу в городах и волостях, но не принимают присягу, не исполняют дела и не выполняют губных наказов — «грамот царя и великого князя не слушают», предписывалось привозить в Москву и сажать в тюрьму. После отбывания наказания и взыскания с них «прогонов» (стоимости их доставки в Москву) их отсылали снова в их губы, где они были обязаны «ведать» разбойными делами «по наказному списку». Если подобные меры не помогали, то предусматривались более строгие меры воздействия.

Приведению губных старост к присяге — «крестному целованию» — придавалось особое значение. Именно она, по понятиям того времени, должна была обеспечивать строжайшее выполнение ими возлагаемых на них обязанностей. Нарушение крестного целования являлось в XVI в. тягчайшим преступлением. Сохранился официальный образец крестоцеловальной записи губных старост 50-х гг. XVI в., излагающий их основные обязанности и обращающий особое внимание на их ответственность за свою деятельность перед правительством.¹³

Ст. 9. Приговор отмечает, что местные жители — многие дети боярские, их приказчики и крестьяне — уклоняются от обысков или приезжают к губным старостам в малом числе, 5—6 человек. Так же поступают они, когда к ним приезжают из Москвы царские «посланники» для проведения обысков. Уклоняются местные жители и от обязанностей ставить тюрьмы и выделять к ним сторожей и палачей. Уложение устанавливает наказания за подобные нарушения: 1) за неявку на обыски взыскивать со всех уклонившихся лиц «ослушание» в размере одного рубля с сохи; 2) если же разбойники сбегут из тюрьмы, с «ослушаников» и со всех лиц, которые не помогали в строительстве тюрем и их охране, предписывалось взимать иски людей, пострадавших от разбоев. Устанавливалась и строгая отчетность губных старост перед Разбойным приказом за взятые «ослушные деньги».

Согласно губным наказам конца XVI в., местные жители были обязаны в селах и деревнях «на разбойников и на татей тюрьмы поделывать и сторожей к тюрьмам выбирать» (см. губной наказ селам Троицкого Сергиева монастыря, во всех уездах, от 1586 г.).¹⁴ Правда, как конкретно распределялись эти повинности между населением в XVI в., неизвестно. Но можно полагать, что

¹³ Указанная крестоцеловальная запись опубликована нами в IV выпуске «Памятников русского права» (с. 186—188, комментарий с. 209—210).

¹⁴ ААЭ, т. I, № 330.

уже тогда они носили всеобщий характер (об этом и говорит уложение 18 января 1555 г.) и строго регламентировались.¹⁵

Ст. 10. В губных наказах 1555—1556 гг. устанавливается порядок переписки губных старост соседних губных округов (в это время уже не волостей, а уездов) по поводу задержания лиц, оговоренных разбойниками на пытках, и присылки их для очной ставки и обыска (ср. ст. 10 Медынского губного наказа). Уложение предписывает посылать подобные грамоты только с губными целовальниками, которые обязаны их передавать губным старостам в присутствии понятых — трех или четырех «добрых» «сторонних людей». Если и в этом случае губные старосты иных губ не проводили обыска и не задерживали преступников, то вменялся Разбойный приказ. Предписывалось посылать из Москвы за этими нерадивыми губными старостами приставов и ставить их перед боярами вместе с посылавшимися к ним целовальниками и присутствовавшими при передаче грамот «сторонними людьми». Когда понятые подтверждали факт передачи грамоты, то, как указывается в уложении, «с теми людьми суда не даги». Не вполне ясно, кто с кем должен судиться. Видимо, при подтверждении понятыми факта передачи грамоты, привезенной из иных губ, вина нерадивых губных старост устанавливается безусловно и они должны понести наказание. Несут наказание и губные старосты, не пославшие своевременно сыскных грамот о поимке разбойников в иные губы (это тоже устанавливается в Разбойном приказе, если понятые не подтвердят факт передачи грамоты). Размер наказания для тех и других губных старост, уличенных в бездеятельности, одинаков: «которые губные старосты тех людей не пришлют, а в те поры разбойники утекут, — ино половина вытей имать на тех, которые упустили, а другая на тех, которые не прислали».

Ст. 11 рассматривает случай, когда на губных старост к боярам поступили жалобы истцов (ср. ст. 7 Судебника 1550 г.) о предвзятом, «по недружбе», «суде и обыске на них», проведенном на местах губными властями. В этом случае следовало поручать расследование спорных дел специальной губной коллегии, формируемой из губных старост соседних губ: бояре «примешивают» к губным старостам, на которых поступали жалобы, губных старост «из иных губ», чтобы они «съезжались и обыскивали вместе». За уклоняющимися губными старостами, кто не будет съезжаться, должны посылаться приставы «из езд», т. е. за их счет. Если они не придут и во второй раз, то с них взымались иски истцов.

Ст. 12 содержит предписания о порядке восстановления утраченных судебных дел о старых тюремных сидельцах. Дело в том,

¹⁵ О порядке выполнения населением «губной повинности» наглядно говорят акты материалы начала XVII в. (Носов Н. Е. Белозерская губная изба в начале XVII в. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 50—53).

что в июне 1547 г. во время великого московского пожара сгорела почти половина города, в том числе и многие приказы. Сгорела Москва и в начале 50-х гг. Уложение предписывает для восстановления сведений о всех заключенных, дела которых сгорели во время пожара, провести их опрос и специальный обыск в целях выяснения их виновности.

Ст. 13. Уложение отмечает злоупотребления, которые совершают над тюремными сидельцами «тиуновы люди», живущие в качестве приставов при московских тюрьмах: требуют с заключенных взятки («поминоки») или даже снимают с них платье. Поскольку применяемые к подобным приставам наказания, вплоть до битья кнутом, не помогают, уложение предписывает провести своеобразную тюремную реформу: заменить институт приставов, набираемый из числа «тиуновых людей», выборными земскими людьми. Для этих целей следовало выбирать «с земли», видимо из числа земских тяглых людей, 16 «добрых людей» и расписывать их по месяцам на год. Они и должны были выполнять обязанности тюремных надзирателей. Перевыборы земских людей должны были проводиться ежегодно.

Уложение подписано дьяком Борисом Алексеевичем Щекыным, подписывавшим губные указы в качестве дьяка Разбойного приказа в 1549—1555 гг.,¹⁶ хотя он одновременно служил, видимо, и по дворцовому ведомству.¹⁷

На приговоре у царя при принятии уложения присутствовали бояре кн. Юрий Михайлович Булгаков, кн. Дмитрий Иванович Курлятев, Василий Михайлович Юрьев, Иван Михайлович Воронцов, кн. Василий Семенович Серебряной, Иван Васильевич Шереметев, а также окольничий Алексей Федорович Адашев и постельничий Игнатий Михайлович Вишняков. Все указанные лица занимали в 50-х гг. ведущие посты в московском правительстве. Проведенный И. И. Смирновым анализ участников заседания 18 января 1555 г. дал ему основания сделать вывод, «что именно „ближняя дума“ (а не «все бояре») участвовала в принятии такого важнейшего закона, как уложение „О разбойном деле“».¹⁸ Мнение Смирнова по существу не отрицает и А. А. Зимин, хотя и солидаризируется в то же время с С. В. Бахрушиным, считавшим «избранную раду» Андрея Курбского и «ближнюю думу» одним и тем же учреждением, обозначенным лишь разными терминами (И. И. Смирнов подобное отождествление решительно отклоняет).¹⁹ Кто из названных бояр ведал в январе 1555 г. Разбойным приказом, неизвестно. Прямых данных об этом

¹⁶ ААЭ, т. I, № 224; Зимин А. А. Губные грамоты XVI в..., с. 220, 229.

¹⁷ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, с. 317—318.

¹⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 153—154 и след.

¹⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 318—319; ср.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 1954, с. 336.

в источниках не сохранилось. Правда, в мае 1555 г. во главе приказа, очевидно, стояли бояре Д. И. Курлятев и И. М. Воронцов, а в ноябре того же года — боярин И. А. Булгаков, по докладу которого принят указ о татевных делах от 26 ноября 1555 г.

Что касается мнения А. А. Зимина о наличии в губных наказах середины XVI в. различных терминов для обозначения центрального ведомства по разбойным делам — «бояре, которым разбойные дела приказаны» (1539—1556 гг.), «Губная изба» = «Разбойная изба» (1552—1556 гг.), «Разбойный приказ» (1555—1556 гг.), — то это не говорит о том, что сам приказ как учреждение образовался лишь в 1555—1556 гг. Указанные термины применяются в одном и том же значении, даже в одних и тех же официальных документах.²⁰

Приговор о правеже исков от 5 мая 1555 г. включен в Уставную книгу Разбойного приказа 1555—1556 г. в составе «памяти», адресованной боярам кн. Д. И. Курлятеву и И. М. Воронцову, видимо, возглавлявшим приказ в то время. В тексте подобной же памяти, адресованной казначеям Ф. И. Сукину и Х. Ю. Тютину, указывается, что приговор 5 мая принят царем вместе «со всеми бояры».²¹ По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, приговор входил в число «дополнительных статей» к Судебнику 1550 г. и числился по ведомству казначесв.²²

Согласно приговору 5 мая, лица, «в которых делех обвинены», должны «стоять на правеже в ысцовых исках» (подвергаться телесным наказаниям — битью прутьями по ногам) из расчета один месяц за 100 руб. Если в течение месяца обвиняемый не погасил иска, то он «отдавался исцом головой до искупа», т. е. передавался истцу в службу до отработки долга. Стоять на правеже больше месяца запрещалось. Продление срока выплаты долга разрешалось только по особым челобитьям и не более чем на месяц. На приговоре «припись» разрядного дьяка Данилы Вылузги.²³

Посылка приговора 5 мая не только казначеям, но и в Разбойный приказ обусловлена, надо полагать, тем, что он, во-первых, носил общенормативный характер (поэтому он и был принят царем «со всеми бояры»), во-вторых, на местах после отмены в 50-х гг. наместников и волостелей исправление правежа по судебным искам — и не только по уголовным делам — зачастую возлагалось на губных старост.

²⁰ Об образовании Разбойного приказа см.: Носов Н. Е. Очерки..., с. 345—327; Зимин А. А. 1) О сложении приказной системы на Руси. — Докл. и сообщ. Института истории АН СССР, М., 1954, в. 3, с. 168; 2) ПРП, в. IV, с. 353—354; 3) Реформы Ивана Грозного, с. 421—442; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961, с. 152—169, 196.

²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права, в. III, с. 3—4.

²² Там же, с. 38—42.

²³ О дьяке Даниле Федоровиче Вылузги см.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, указатель.

В руках губных старост в уездах находились и карательные органы (тюрьма, палачи). Наконец, хотя в приговоре 5 мая прямо и не упоминается взыскание исков с татей, последние, видимо, тоже имеются в виду в числе лиц, обвиненных по суду и стоящих на правеже (ср. далее комментарий к ст. 19 приговора о губных делах от 22 августа 1556 г.). Б. А. Романов прав, считая, что приговор 5 мая в этом смысле является дополнением к ст. 55 Судебника 1550 г.,²⁴ регламентирующей порядок взыскания ищцовых исков с татей, обвиненных в первой татьбе, которых после предания торговой казни — битью кнутом — передавали ищцам, чтоб те «доправили» на них свои иски. Когда же из-за недостаточности имущества татей (их «статков») это не удавалось сделать, то их отдавали ищцам «головой на правеж до искупа». Иначе говоря, применялись те же меры для погашения иска, что и в приговоре 5 мая, хотя в нем, надо полагать, речь идет о более широком круге ответчиков, включая и татей, и должников, и иных лиц, обязанных по суду возместить ищцовы иски (не случайно его составители пользуются столь объемной формулировкой, которые люди «в которых делех обвинены»). Называя должников, имеем в виду лиц, не уплативших задолжности по «заемным кабалам» или иным кредитным сделкам, на которых распространялось действие царского указа от 8 марта 1556 г., адресованного важским земским старостам (становым и волостным судьям): «Царь и великий князь... указал чинити: которые люди по кабалам и по записям и безкабально, в хлебе и в денгах, исцом своим перед выборными судьями скажутся виноваты, а исцова иску скажут заплатити им немочно, и выборным судьям на тех людех исцова иска велети правити после суда шесть недель, да будет в ту шесть недель ищцовых исков доправити на них немочно, и выборным судьям ответчиков в ищцовых исках выдавать ищцам их головой до искупа и правые им грамоты на них давати, за своими печатями и земских дьяков руки» (подтверждение на Важской земской уставной грамоте от 21 марта 1552 г.).²⁵ Но мы не согласны с мнением А. А. Зимина, что приговор 5 мая 1555 г. вообще не имеет в виду татей, следовательно, и не связан со ст. 55 Судебника 1550 г., а касается только неисправных кредиторов, стоящих на правеже после истечения срока выплаты займа. Конкретной аргументации в пользу такого ограничительного толкования приговора Зимин не приводит, а просто указывает, что «если должник не выплачивал во время правежа долга, то он выдавался „головой“ кредитору (т. е. становился его холопом до погашения долга). Приговор свидетельствует о росте задолженности как среди непосредственных производителей, так и среди известной части рядовых феодалов. Эти явления были вызваны и ростом феодальной эксплуатации, и условиями развития товарно-денежных отношений. В приговоре 5 мая 1555 г. содержится

²⁴ Судебники XV—XVI веков, с. 244—245.

²⁵ ААЭ, т. I, № 234.

материал для изучения развития договора найма в середине XVI в.»²⁶ Подобные общие заключения априорны, поскольку в самом приговоре нет данных ни о росте задолжности среди непосредственных производителей и части феодалов (в социально-правовом отношении приговор безличен), ни тем более о развитии договора найма.

Сразу же за приговором 5 мая о правеже исков в Уставной книге Разбойного приказа помещен текст Медынского губного наказа, выданного населению Медыни и Медынского уезда 25 августа того же 1555 г.²⁷ Не вызывает сомнений то, что наказ включен в книгу в качестве образца уставных губных грамот, рассылаемых в это время по различным уездам. Во всяком случае до нас дошли абсолютно тождественные ему губные наказания, выданные Владимирскому уезду 24 сентября, Переяславскому — 21 ноября и Старо-Рязанскому — 20 декабря 1555 г.,²⁸ Зубцовскому — 3 февраля 1556 г.²⁹ Правда, Новгородской земле (в пятины) подобный губной наказ был выдан лишь 6 мая 1559 г.³⁰ Анализ перечисленных наказов — предмет особого исследования.³¹ Здесь же отметим лишь два момента, наиболее существенных для понимания губной реформы 1555—1556 гг. Во-первых, в отличие от губных наказов конца 30-х—40-х гг. по новым губным наказам губные старосты выступают не как волостные, а уже как уездные судебные-административные органы: уезд и губа (полицейский округ) уравниваются. Во-вторых, повсеместно вводится в практику губного сыска проведение повальных обысков (их регламентация составляет основное содержание наказов), и они вместе с пыткой обвиняемых выступают как главные методы сыского процесса, следовательно, и самой организации суда по уголовным делам. Отсутствие упоминаний в новых губных наказах наместников и волостелей (в более ранних губных грамотах они — действующий орган местного управления) говорит о том, что московское правительство 1555—1556 гг. уже исходило из факта их отсутствия на местах — в результате земской реформы — и именно этим обуславливало судебную компетенцию и характер деятельности губных старост в новых условиях. Без этого невозможно понять и все последующие постановления, включенные в состав первой Уставной книги Разбойного приказа.

Особое место в Уставной книге Разбойного приказа занимает указ о татебных делах от 26 ноября 1555 г.

²⁶ ПРП, в. IV, с. 542—543.

²⁷ Там же, с. 179—185.

²⁸ З и м и н А. А. Губные грамоты XVI в. . . , с. 240—229.

²⁹ Акты Юшкова, ч. I, М., 1898, № 178.

³⁰ Н о с о в Н. Е. Губной наказ Новгородской земле 1559 г. — Истор. архив, 1959, № 4, с. 212—217.

³¹ О Медынском губном наказе 24 сентября 1555 г. см. комментарий А. Г. Поляка (ПРП, в. IV, с. 202—209).

Указ принят по докладу царю боярина И. А. Булгакова, являвшегося, по всей видимости, главой Разбойного приказа, о необходимости принятия чрезвычайных мер по борьбе с разбоями и татьбой, совершаемыми «лихими людьми». В докладе отмечается, что повсеместно — в городах и волостях — «чинятся великие татьбы» (воровство), причем местное население не только не борется с «лихими людьми», но нередко даже их укрывает: губным старостам «у себя в волостях лихих людей, татей не сказывают». Видимо, действия «лихих людей» во многих случаях были не просто уголовными преступлениями, а носили антифеодальный характер, чем и вызывали сочувствие со стороны определенных слоев городского и волостного населения.

Принятие постановления по указанным вопросам можно разделить на четыре статьи, которые в своей совокупности и составляют новый царский указ о татейных делах.

Ст. 1. Указ еще раз повторяет предписания губных грамот, даваемых губным старостам, о необходимости проведения самого тщательного расследования (обысков) всех случаев татьбы — дворовой, лошадей с поля или «иной животины». Над всеми пойманными татями губным старостам следовало «управу чинить с исцы по наказному списку», т. е. по имеющимся у них губным грамотам. Нормы расправы над татями определены в губных наказах 1555—1556 гг. совершенно четко: «А приведут к старостам татя, а доведут на него одну татбу, — и старостам того татя велети бити кнутьем, а бив кнутьем, дать его на поруку; а не будет поруки, — ино его вкинуть в тюрьму до тех лет, как по нем порука будет. А приведут на него две татбы, — ино того татя бити кнутьем да отсечь рука да покунуть. А приведут татя, а доведут на него татбы три или четыре пли свыше, — и того татя казнити смертною казнью» (Медынский губной наказ от 25 августа 1555 г.).³² Указанная процедура расправы с татями, как отмечал И. И. Смирнов, ссылаясь на губной наказ Кирилло-Белозерскому монастырю от 27 сентября 1549 г., и предусмотрена ст. 60 Судебника 1550 г.,³³ которая гласит, что губные старосты должны «судити» татей «по царя и великого князя по губным грамотам, как в них написано». Но, по губным грамотам 1549—1550 гг. (таких грамот, как уже отмечалось, известно три: две выданы на белозерские владения Кирилло-Белозерского монастыря, одна — белозерской Судской волости), суд и расправа над

³² ПРП, в. IV, с. 184. — Такая же норма повторена во всех уже названных нами других губных наказах 50-х гг. XVI в.

³³ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. — Истор. записки, 1947, т. 24, с. 287—291; ср.: Смирнов И. И. Очерки..., с. 331—332. — Мнение И. И. Смирнова полностью разделяет и Б. А. Романов в своем комментарии к ст. 60 Судебника 1550 г. (Судебники XV—XVI вв., с. 248—251). Подтверждают это и губные наказания белозерской Судской волости от 9 октября 1549 г. и Кирилло-Белозерскому монастырю от сентября 1550 г. (Носов Н. Е. Губные наказания селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг. — В кн.: Исследование по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 403).

татами осуществлялись губными старостами совместно с наместниками и волостелями или их тиунами, причем после взыскания с татей (из их имущества) истцовых исков они передавались кормленщикам «в продаже», т. е. для взыскания с них уголовного штрафа, только после этого губные власти приводили приговор в исполнение: или били татей кнутом, или отрубали им руку, или вешали их. (Эта процедура и изложепа, в частности, в губном наказе Кирилло-Белозерскому монастырю 1549 г.). В указе о татях 26 ноября 1555 г. наместники и волостели уже не упоминаются, надо полагать, в связи с отменой кормлений, и весь сыск и расправа над татями теперь — дело рук одних губных старост. Что касается порядка удовлетворения исков истцов, то поскольку в новом постановлении о нем ничего не говорится, следовательно, он оставался прежним — из имущества татей, согласно ст. 55 Судебника 1550 г. и приговору 5 мая 1555 г. о праже исков.

Новым в указе 26 ноября было также установление более строгой личной и имущественной ответственности населения за совершенную в их губе татьбу. Во-первых, губным старостам вменялось в обязанность во всех случаях, когда в обыске не удавалось установить имя татя (а тем более его задержать), проводить специальное расследование и выяснять, у кого и сколько имущества было украдено. Во-вторых, когда размер украденного имущества был установлен, то в пользу пострадавшего (истца) взымалась половина его иска с той губы, в которой не назовут имя татя. Если же в дальнейшем тать будет задержан, то взятые с губы штрафные пски «за прошлые татьбы» возмещались тем лицом, «за кем тати жили», или той волостью, в которой тать жил. Это уже прерогатива самой волости — определить, кто будет возмещать убытки. Для правительства было важно установить, что в любом случае местное население — губа (теперь уже уездный полицейский округ) или волость (как одна из его частей) — несет коллективную ответственность за совершенное на их территории преступление, в данном случае татьбу. Подобная коллективная ответственность земских миров (верви — в киевский период, волости — в московский) характерна для древнерусского уголовного права и идет еще от Русской Правды. Для XV—XVI вв. она зафиксирована как в Судебниках 1497 и 1550 гг., так и в уставных и жалованных иммунитетных грамотах. Указ 26 ноября лишь придал этой ответственности более жесткие формы, а главное — превратил ее в одну из наиболее действенных форм губного сыска, как сыска, обязательного во всех случаях, независимо от частных исков.

Ст. 2. По Судебнику 1550 г. (статьи 95—96), пятнание лошадей и надзор за их продажей возлагались на наместников и волостелей. Они вели регистрацию пятнания лошадей, а также собирали в свою пользу пошлины за пятно. Теперь, согласно указу, эти функции передаются губным старостам, а сами регистрация и пятнание, в отличие от Судебника, производятся бесплатно. За

уклонение от пятнания и регистрации лошадей при их продаже, купле или обмене со всех нарушителей губными старостами взимаются «заповеди» («пропятаенье») в размере 2 руб., но идут они уже не в пользу кормленщиков, как по Судебнику, а на государя — в казну. Кроме того, всех нарушителей, «в пене царя и великого князя», дают на поруки. В случае же возникновения конфликтных ситуаций, например кражи лошадей, именно с этих лиц взимаются выти в половину истцовых исков. При возбуждении истцами судебного дела «про тех людей, у которого за лошадь понмаются», губные старосты должны были проводить обыски, выясняя, что собой представляют обвиняемые, и по обыску «тем людем управы учииити». Надо полагать, что и в данном случае правительство в первую очередь интересовал вопрос: не являются ли конокрады «лихими людьми»?

Ст. 3. Указ подтверждает необходимость обязательной регистрации губными старостами всех пришедших в губы новых людей. А. Г. Поляк не прав, считая это нововведением, что «указ впервые в истории русского законодательства вводит регистрацию населения в случае его передвижения».³⁴ Подобный полицейский надзор предусматривался еще в первых губных грамотах начала 40-х гг. XVI в., но касался он первоначально лишь городов и торговых сел. Это видно из губных грамот, выданных в 1541 г. посадским людям Соли-Галицкой и торговым селам Троицкого Сергиева монастыря в Тверском, Новоторжском и Старицком уездах.³⁵ На последнюю грамоту ссылается и сам А. Г. Поляк, характеризуя процедуру «явки» пришедших людей к губным властям. Новым в указе 26 поября было постановление о сыске «лихих людей», бежавших из одной губы в другую и скрывающихся у местных жителей (вопрос о «явках» пришедших людей — лишь составная часть этого общего предписания). О всех подозреваемых пришедших «лихих людях» губные старосты должны были проводить обыски, дознаваясь вместе с губными целовальниками, «где кто жил» и «отчего пошли ис тое губы в пную губу жити». Лица же, у которых без «явки» губным старостам проживали и были пойманы «ведомые лихие люди», подвергались наказанию. В случае предъявления к обнаруженным у них «лихим людям» исков людей, пострадавших от разбоев или татьбы, с них взымалась половина этих исков. Несоблюдение этих правил губными старостами — «не учпут... беречи того накрепко, чтоб у них в губе прибыльных людей без явки не было» — влекло за собой взыскание истцовых исков с них самих, а сверх того наложение на них царской опалы.

Ст. 4. Указ определяет ответственность губных целовальников за недобросовестное отношение к своим обязанностям и должностные преступления. В случае бегства по вине целовальника раз-

³⁴ ПРП, в. IV, с. 391.

³⁵ ААЭ, т. I, № 192, 194. — Анализ указанных грамот см.: Носо в Н. Е. Соли-Галицкая губная грамота. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1958, кн. VI, с. 220—234.

бойников и татей и кражи целовальником «животов» преступников имущество его самого («животы и статки») шло в уплату половины истцовых исков в выти (по долям). Если имущества целовальника не хватало, то остаток взимался с людей, его избивавших. Кроме того, выборщики давались на поруки и обязывались доставлять губным старостам бежавшего целовальника. Когда его доставляли, он подвергался телесному наказанию — его били кнутом и «выкидывали вон» из губных целовальников. Правда, перед этим он должен был (видимо, под угрозой более сурового наказания) сам изловить и привести к губным старостам упущенных разбойников и татей.

Совокупность всех этих постановлений достаточно ясно говорит о стремлении правительства связать все население губы, а тем более губной аппарат круговой ответственностью перед правительством за поимку и расправу над «лихими людьми», разбойниками и татями, как особо опасными, с точки зрения господствующего класса, нарушителями феодального правопорядка. Классовый характер этих мер, а именно их вводит указ 26 ноября 1555 г., не вызывает сомнений. Основная тяжесть новой губной системы, вводимой по городам и волостям, ложилась на плечи тяглых людей — крестьянства и горожан, как главного объекта полицейского надзора со стороны губных старост, «излюбленных» представителей уездного дворянства.

Завершается Уставная книга Разбойного приказа приговором о губных делах 22 августа 1556 г.

Приговор был принят царем вместе «со всеми бояры», т. е. на заседании Боярской думы. Это говорит о том большом значении, которое придавало ему московское правительство 50-х гг. Издание приговора — и это весьма симптоматично — приурочено к принятию уже к этому времени царского «уложения» об окончательной отмене системы кормления, упразднении института наместников и волостелей и передаче местного суда, а равно и общего надзора за «феодальным порядком» на местах в руки самого уездного дворянства, городских и волостных «лучших людей» (купцов и крестьян-богатеев), интересы которых и представляли губные и земские старосты и целовальники. Земские старосты избирались только по черным волостям и на посадах, губные старосты — из местных детей боярских, вотчинников и помещиков повсеместно, кроме Поморья, как края, почти сплошного в середине XVI в. черносозного землевладения.³⁶ Но даже в тех районах, где на посадах и в волостях были земские власти, они в полицейском отношении были подконтрольны губным старостам, которые уже в середине 50-х гг., как уже отмечалось, пре-

³⁶ Исследование причин характера и хода проведения земской реформы Ивана Грозного дается в нашей монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России (изыскания о земской реформе Ивана Грозного)» (Л., 1969).

вращаются из волостных в общеуездные органы местной власти (на уезд — губу избиралось два губных старосты). Именно губные старосты представляют интересы местных феодалов и блюдут теперь правительственный интерес: не только чинят суд и расправу над «лихими людьми», но и вообще выступают в роли своеобразных префектов, которым поручаются самые различные дела, вплоть до земельных. В этом смысле приговор 22 августа 1556 г. являлся органической частью земской реформы 1555—1556 гг., и это в первую очередь определяет его политическое значение.

Само царское «уложение» 1555—1556 гг. об отмене кормлений до нас не дошло. Сохранилось лишь его летописное изложение (помещенное в Никоновской летописи под 7064 г.), сопровождающееся публицистическими отступлениями и объединяющее в своем тексте сведения и о царском предписании об отмене кормлений, и о губных реформах 1555—1556 гг. Более точны данные земских уставных грамот 1555—1556 гг., в преамбуле которых воспроизводится основное содержание царского приговора (уложения) об отмене кормлений. Сличение этих текстов — летописного известия и сообщения земских уставных грамот — не только подтверждает факт издания такого приговора именно в 1555—1556 гг. (А. А. Зимин сомневается вообще в его существовании),³⁷ но и дает возможность реконструировать его основные положения.

История отмены кормлений такова. Согласно Судебнику 1550 г. и утвержденной в феврале 1551 г. Стоглавым собором и «подписанной» под Судебник «уставной грамоты, которой в Казне быти»,³⁸ были ограничены судебные и административные права наместников и волостелей, а их деятельность была поставлена под контроль земских представителей. В том же 1551 г. населению черных волостей стало предоставляться право, правда еще в порядке исключения, откупаться «на срок» от кормлений и учреждать у себя выборные земские власти — старост и целовальников.³⁹ Наиболее ранняя дошедшая до нас земская учредительная уставная грамота была выдана 25 февраля 1552 г. ряду волостей Двинского уезда — Малой Пенежки, Выйской и Суры. 21 марта 1552 г. была выдана подобная же земская грамота Важскому уезду.⁴⁰ Земские уставные грамоты 1552 г. со-

³⁷ Зимин А. А. 1) «Приговор» 1555—1556 гг. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — История СССР, 1958, № 1, с. 178—182; 2) Реформы Ивана Грозного, с. 422—437. Ср.: Шмидт С. О. К истории земской реформы. (Собор 1555/56 г.). — В кн.: Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, с. 125—134.

³⁸ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, с. 39. — Подробнее об «уставной грамоте» 1551 г. см.: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений. . . , с. 76—88.

³⁹ Имеем в виду земскую оброчную грамоту крестьянам Плесской волости от 28 февраля 1551 г. (Дьяконов М. А. О московских реформах половины XVI в. — ЖМНП, 1894, № 4, с. 190—191).

⁴⁰ ПРП, в. IV, с. 188—197; РИБ, т. XXXII, № 189.

держат четкую формулировку причин отмены института кормленщиков: челобитья местного населения о разорениях от наместничьих поборов и притеснений, а также рост разбоев и татбы, совершаемых «лихими людьми» при попустительстве в отношении их наместников и волостелей. Учреждаемым новым земским властям вменялось в обязанность «чинить суд и управу» в двинских волостях и на Ваге «по нашему по новому Судебнику во всяких делех». Особенно выделяют грамоты обязанности земских властей по борьбе с «лихими людьми» — по сыску и расправе над разбойниками и татями. Иначе говоря, земские грамоты совмещают в их руках судебно-административную власть кормленщиков и губных старост. В отношении выполнения земскими старостами возлагаемых на них губных обязанностей обе грамоты повторяют предписания губных наказов, лишь адресуя их теперь земским властям: сыскивать разбойников и татей, строжайше следить (через сотских, пятидесятских и десятских) за приездом к кому-либо «лихих людей», проводить обыски и, наконец, самим, по Судебнику, «чинить управу» над всеми пойманными преступниками, вплоть до предания их смертной казни.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что земская реформа проводилась первоначально преимущественно в черносозных районах страны. Но уже в 1555 г., как видно из земской уставной грамоты Соли-Переяславской, выданной 11 августа этого года, правительство принимает решение окончательно и уже повсеместно отменить систему кормлений и ввести земское самоуправление. Но, для того чтобы оградить интересы феодалов, на этот раз проведение земской реформы органически увязывается с губной реформой. Губные старосты из волостных органов реорганизируются в уездные, и именно в их руки передаются в районах поместно-вотчинного землевладения ведение всех уголовных дел, изымаемых из суда бывших кормленщиков, а также общий полицейский контроль за жизнью местного общества. Земские власти, ранее учрежденные по отдельным волостям и на посадах этих районов, как это показывает земская уставная грамота Соли-Переяславской 1555 г., «лихими делами» не ведают. Предписания переяславской грамоты (явно воспроизводящей принятый правительством общий формуляр нового земского «уложения») в этом отношении совершенно категоричны: «а в розбойных делех городских и волостных людей судити их и управливати губным старостам по их губным уставным грамотам и по наказным спискам». Разбойные и татейные дела сохраняются в руках земских властей (Важско-двинской образец земского самоуправления) только в Поморье, где и после «Уложения» 1555 г. не было губных старост. Иные исключения нам пока неизвестны.

Таким образом, именно превращение губных старост в 1555 г. в общеуездный судебно-административный орган и передача в их руки основных судебных функций наместников и определили необходимость издания специального царского постановления

о губных делах. Им и явился царский приговор («уложение») 22 августа 1556 г.

И еще одна общая особенность судебных реформ середины 50-х гг. XVI в., о которой следует сказать сразу (до конкретного разбора нового приговора о губных делах) и которая наложила на них очень важный отпечаток.

Мы имеем в виду замену в уголовной практике центральных и местных судов состязательного процесса следственным. Именно губные старосты были в глазах правительства теми органами дворянского самоуправления и в то же время низшим звеном новой, все более бюрократизирующейся системы управления, которые могли и — даже более — были должны реализовать на практике это кардинальное изменение в области судебно-административной юстиции — изменение, явно согласующееся с ростом самодержавно-крепостнических начал в развитии Русского централизованного государства.

По содержанию приговор 22 августа 1556 г. может быть разделен на 19 статей (в дошедших до нас списках приговора нумерации статей нет), касающихся разбойных дел, плюс две статьи иного происхождения, хотя, как мы увидим далее, тоже сопряженных деятельности губных старост в новых условиях. Речь идет о замене судебного поединка крестным целованием (ст. 20) и холопьем суде (ст. 21). Все указанные постановления приняты, как отмечается в приговоре, по «боярскому докладу». Надо думать, что первые 19 статей — по докладу бояр, возглавлявших Разбойный приказ, две последние статьи явно тянут к иным центральным ведомствам, во всяком случае делами о холопах обычно занимались казначеи.

Первые шесть постановлений (6 статей) касаются проведения на местах повальных обысков о «лихих людях». Так, в приговоре отмечается (ст. 1), что при проведении повальных обысков (имеются в виду, как можно полагать по последующим статьям, обыски по уголовным делам и делам о займе) многие люди «лжут семьями и заговоры великими»: одни говорят в пользу истцов, другие — ответчиков, при повторных же обысках эти же люди дают иные показания. В то же время на суде и истцы, и ответчики ссылаются на многих людей «в слух, в видение и в ведомо», а также «в послушество» (на прямых свидетелей). По Судебнику 1550 г. (ст. 12), судебные дела о поджоге, убийстве, разбое и татьбе, если, конечно, они не совершены «ведомыми лихими людьми» (о подобных преступниках речь идет в ст. 60), решались поединком, которым и определялась виновность лица, привлеченного к суду. В делах же об избииении («бое»), грабеже и займах ответчик имел даже право по своей «воле» вызывать на поединок или на крестное целование послухов (свидетелей) истца. Согласно приговору 22 августа, этот порядок отменялся. В приговоре «в тех бы делех поль не присуживати, а обысков не отставливать», даже когда ссылаются на прямых свидетелей — «шлутпа в послушество».

Ст. 2 развивает постановления предшествующей статьи. В статье еще раз повторяется предписание, что даже при наличии прямых свидетельских показаний судьи не имеют права при-суждать поединок («поле»), а обязаны проводить обыски, но с исключением из опрашиваемых всех родственников истцов и ответчиков, а также всех лиц, связанных с расследуемым делом или находящихся в створе (=всех «заговоров»). Обыски должны проводиться старостами и целовальниками, надо полагать, губными и земскими, и по их результатам должны «вершиться» судебные дела.

Обе названные статьи не дают оснований рассматривать их лишь как предписания, адресованные губным старостам (как таковые губные старосты в статьях не поименованы), а должны быть истолкованы в более широком плане, как новая форма следственного процесса по уголовным делам, отменяющая поединок и крестное целование и выдвигающая данные по вальных обысков в число главных, решающих доказательств, которыми должны руководствоваться все судебные власти.

Ст. 3 определяет порядок ведения подобных судебных дел в московских приказах, когда и истцы, и ответчики в подтверждение своей правоты «шляютца в обыск на многие люди безъимянно». В этом случае бояре, ведущие дело, должны поручать старостам и целовальникам (и на этот раз, надо полагать, это касается и губных, и земских властей) проводить на местах по вальные обыски с участием всего местного населения.

В статьях 4—5 определяются процедура проведения по вальных обысков, а также правила учета показаний опрашиваемых лиц. Ст. 4 (ср. ст. 58 Судебника 1550 г.) рассматривает казус, когда показания «обыскных людей» неодинаковы: одна половина говорит в пользу истца, другая — в пользу ответчика. В этом случае решающим критерием был количественный фактор. Если в пользу истца или ответчика «скажут» больше людей — 50—60 опрошенных, — то их (истца или ответчика) следует оправдать, если же меньше половины, — то обвинить — «без поля и без целования». А. Г. Поляк полагает, что приговор по сравнению с Судебником 1550 г., выдвигая данное предписание, доводит обязательное число опрашиваемых от 10—20 до 100 и более человек.⁴¹ Скорее следует понимать данное разъяснение как указание на необходимость иметь для вынесения оправдательного или обвинительного заключения квалифицированное большинство, состоящее не менее чем из 50—60 человек. Вообще, и в этом А. Г. Поляк прав, общее число лиц, охватываемых обысками, с середины XVI в. становится зачастую очень значительным — до 200—300 и более.⁴²

⁴¹ ПРЦ, в. IV, с. 394.

⁴² См., например, показания правой грамоты 1558 г., выданной, правда, не по уголовному, а по земельному делу: «перед судьями в обыску говорили детей боярских 11 человек имяны, да из розных волостей игумен, да 7 попов, да 149 человек старост, и целовальников, и крестьян имяны...»;

Допускает приговор, видимо, в спорных случаях и дополнительный розыск («после того»), но на этот раз только через местных феодалов — епископа, архимандрита, игумена, а также бояр и иных «ближних людей», имеющих в месте проведения обыска свои села, в целях выяснения, почему «половина» опрошенных людей «солгала».

Сами же обыскные люди, давшие ложные показания (если это удавалось установить), подвергались наказанию («казни»), как и при проведении повальных обысков по разбойным делам. Последнее разъяснение и особенно предписание проводить контрольный розыск через верхи местных феодалов явно говорят о том, что правительство больше всего боялось связи нарушителей правопорядка, в первую очередь «лихих людей», с широкими слоями местного населения, городскими и волостными тяглыми людьми, видимо, нередко их покрывавшими и даже поддерживавшими. Думаем, что в этом смысле приговор свидетельствует о связи роста преступности на местах с обострением — именно в середине XVI в. — антифеодальной борьбы крестьян и посадских людей.

Ст. 5 имеет в виду случай, когда показания «обыскных людей» распадутся поровну — «скажет... половина обыскных людей по ищее, а другие по ответчике». Тогда следовало «дела не вершать», а губным старостам и целовальникам проводить второй обыск, но привлекать к нему уже иных людей, не участвовавших в первом обыске, и выяснять, какая «половина» людей в первый раз солгала. Солгавших людей ждало крайне суровое наказание. Из каждых 100 человек солгавшей половины выбиралось 5—6 «лучших людей» — приказчиков и крестьян, и они подвергались битью кнутом. Духовенство, давшее ложные показания, отсылалось к епископу. Кроме того, с виновной половины взыскивались все расходы и убытки («езды и прогоны, и проесть, и волокита») за проведение «ложного» обыска, кроме исков истцов. А если бы обвиняемый по ложному обыску подвергся пытке, то с солгавших людей взималось бы в его пользу еще «бесчестье» в двойном размере — «для лжи, чтобы впредь не лгали».

Устанавливает приговор (ст. 6) и наказание для тех «обыскных людей», которые «в одном деле» дают показания и «за» и «против» («двой речи говорят»). Здесь тоже выбирали из 100 человек 5—6 «лучших людей» и били их кнутом. С духовенством поступали, как и в предшествующем случае. С «обыскных людей», как и по ст. 5, взыскивались все расходы по делу, кроме исков истцов, — «езды и прогоны и что будет убытков в том деле».

«обыскные люди разных волостей — игумен, да 4 попы, да 4 человека детей боярских, да 12 человек приказчиков, да боярской человек, да 261 человек целовальников и крестьян, и всего 283 человека имяны говорили» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860, т. I, № 71).

Приговор (ст. 7) определяет процесс ведения дела, когда истец и ответчик в доказательство своей правоты ссылаются «в слух и в обыск, и в виденье, и в ведомо» не на многих людей, а только на 5—6 человек, называют и послухов, но «верити будет тем людям не мочно». Почему нельзя верить всем этим людям, в приговоре не разъясняется. Можно лишь полагать, что имеется в виду причастность этих людей к делу, а, возможно, родственные связи. В этих случаях предписывалось не проводить обыска через указанных истцами или ответчиками лиц, а «вершити дела по суду», т. е. обычным порядком, с учетом обстоятельств дела.

Ст. 8 приговора подтверждает особую авторитетность показаний бояр и приказных людей. Ссылка на суде истца или ответчика в подтверждение своих показаний на боярина, дьяка или приказного человека, «кому можно верить, посмотри по делу», рассматривалась, независимо от числа таких лиц, названных сторонами, как вполне достаточное свидетельство. При его наличии предписывалось «правды не отставливати, как скажут, по тому и вершити без поля и без целованья». Постановление тем самым еще раз подчеркивает классовый характер судопроизводства, предоставляющий явные преимущества на суде мнению представителей господствующего класса.

Ст. 9. Устанавливаемая правовая норма не ясна. А. Г. Поляк полагает, что постановление основывается на ст. 15 Судебника 1550 г.: имеется в виду отказ послухов в деле о заемной кабале давать показания в пользу истца, который на них ссылается: «если... послухи не договорят в ысцовы речи, ино тем ищя виноват». Поединка и крестного целования, согласно Судебнику, в этом случае не требуется.⁴³ По нашему мнению, обозначен иной случай: когда истец или ответчик ссылаются на показания хотя бы одного человека из послухов противной стороны (для них — «из виноватых»). Такие показания считаются особенно надежными — «тое правды не отставливати, что скажут, по тому и винити, без поля и без целованья». За то же, что указанный послух, хотя и «невеликим словом», «не договорит ис права» (видимо, в пользу своей стороны), «тем не обвинити», т. е. не считать его нарушителем своего свидетельского долга. Конечно, это только один из вариантов толкования данной статьи. Более уверенно можно утверждать, что она касается не только (и не столько) суда по заемным кабалам, сколько формулирует общую норму в области по преимуществу уголовного судопроизводства.

Статьи 10—11 (ср. ст. 4 Медынского губного наказа) подтверждают ответственность бояр, дьяков, приказных людей и дворян за показания, которые дают при обысках проживающие в их селах люди (холопы) и крестьяне. Если устанавливалось (ст. 10), что последние лгут, то бояре и дети боярские подвергались «великой опале», а их люди и крестьяне должны были быть «казнены» (в данном случае в значении «наказаны»), как

⁴³ ПРП, в. IV, с. 396.

и в разбойном деле. В случае же доноса феодалов на своих людей и крестьян (ст. 11) о даче ими лживых показаний и сообщения судьям «правды» они освобождались от наказаний. Более подробно определяет ответственность феодалов за своих людей Медынский губной наказ 25 августа 1555 г., положения которого, по всей видимости, и развиты приговором 22 августа 1556 г., но, правда, с одним очень существенным дополнением — распространением указанных правил не только на «боярских людей» (= холопов), но и на их крестьян.

Указанные постановления, являющиеся новшеством по сравнению с губными наказами конца 30-х—40-х гг. XVI в., явно вяжутся с правительственным курсом на усиление личной зависимости вотчинных и поместных крестьян от феодалов. Крепостнический характер нового «губного уложения» в этом смысле достаточно очевиден, равно как и его роль в утверждении на местах «общей ответственности» всего местного населения, так сказать, «невзирая на лица», за любое нарушение феодальной законности.

Ст. 12 приговора определяет правила пересылки грамот по поводу проведения обысков и их результатов между московскими приказами и губными старостами.

В ст. 13 прямо называются разбойные и татинные дела как главный предмет ведения губных старост. Хотя тут же оговаривается, что старосты должны «обыскивать в татинных и в разбойных и во всяких делех (следовательно, не только разбойного ведомства. — *Н. Н.*) вправду . . . по крестному целованью». Губные старосты предупреждались, что они должны выполнять свои обязанности честно и бескорыстно — «другу не дружити, недругу не мстити», строго руководствуясь губной крестоцеловальной записью. Особо предупреждались старосты о необходимости бороться при проведении обысков с семейственностью и «заговорами» (сговором) заинтересованных лиц. Обо всех подобных случаях они обязаны были доносить царю, равно как и обо всем, что выведено ими на местах «мимо обыскные люди».

Характеристика подобных полицейских обязанностей губных старост и составляет предмет ст. 14. Так, губным старостам предписывалось во время обысков «разведывати накрепко» у всех людей «всякими обычай и женским полом» о всех государевых и земских делах и «о всяких росправах» писать царю или «к тем бояром, у кого те города в приказе». Значит, и в этом случае оговаривалась подведомственность губных старост не только Разбойному приказу, но и боярам, ведущим теми или иными городами. После отмены системы кормлений и упразднения наместников и волостелей в роли таких областных приказов уже в конце 50-х—60-х гг. XVI в. выступают Чети (Четвертные приказы).⁴⁴

⁴⁴ Носов Н. Е. Боярская книга 1556 г. и происхождение четвертчиков. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960.

Ст. 15 органически связана со статьями 13—14 и содержит предписание в адрес губных старост: если они, несмотря на царские указания, не будут выполнять возложенные на них обязанности — «таинные и розбойные дела делати» — или будут проводить ложные обыски, будут руководствоваться в своих поступках дружбой или мстью, не будут, наконец, доносить на людей, которые семьями и заговорами говорят неправду, то их следует «казнить без милости». Видимо, уж очень беспокоила правительство возможность злоупотреблений со стороны губных властей (к тому, надо думать, были основания), что оно в трех статьях (статьи 13, 14, 15) провозглашает строжайшие меры против «самовольных» действий губных старост.

Приговор вменяет в обязанности губных старост (ст. 16) «бережи накрепко», чтобы в их губах (= уездах) не было пустых мест и «насилства христианом от сильных людей». О всех имеющих пустых местах и причинах их запустения — «от кого оне запустели» — губные старосты должны писать царю. За нарушение губные старосты подвергались опале, а «пошлины» (видимо, налоги) следовало взимать с них самих.

Таким образом, в своей совокупности статьи 13—16 достаточно четко определяют полицейские функции губных старост, которые по существу превращаются не только в важнейший местный институт уголовного розыска, но и блюстителей «феодалного порядка» и политических интересов самодержавия, в подлинном смысле в «государево око» в местном управлении.

Дошедший до нас актовый материал второй половины XVI в. полностью подтверждает указанную роль губных старост на местах. Губные старосты являются исполнителями самых различных правительственных распоряжений, казалось бы, не имеющих никакого прямого отношения к разбойному ведомству: они проводят земельные обыски, отделяют по царским распоряжениям земли, вводят крестьян в «послушание» к своим новым владельцам, даже взыскивают недоимки и вообще по существу контролируют вместе с городскими приказчиками (городскими комендантами, а после отмены института данщиков и главными финансовыми агентами правительства на местах)⁴⁵ почти всю жизнь местного общества 50—80-х гг. XVI в. Но особенно активной становится деятельность губных старост в годы опричнины Ивана Грозного (после 1564 г.), когда им поручается проведение многих наиболее ответственных «земельных операций» на местах — конфискация земель опальных бояр, отдел земель в опричнину и т. д.⁴⁶ Именно губные старосты, что особенно показательно, привлекаются правительством к самому активному участию в обысках на предмет запустения земель, которые проводятся

⁴⁵ Носов Н. Е. Очерки... с. 183—200.

⁴⁶ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений... с. 527—537.

в 70-х гг. XVI в. в новгородских пятинах.⁴⁷ Надо полагать, что подобные обыски губные старосты проводили и в других уездах.

Что касается злоупотреблений властью со стороны губных старост, то и ее примеры сохранили нам актовые источники XVI в. Сошлемся хотя бы на один из них. Так, в 70-х гг. XVI в. власти Кирилло-Белозерского монастыря били челом Ивану Грозному по поводу злоупотреблений, допускаемых пошехонским губным старостой при описании земель и взимании пошлин. «Жалоба нам, государь, на пошехонского на губного старосту на Павлина на Ощерина, — писали игумен с братией, — велел ты, государь, ему в Пошехонье описать наши монастырские села и деревни живущие и пустое. И тот, государь, Павлин писал пустое в живущих; и мы, государь, нынеча с тех пустошей оплачиваем монастырем твои государевы дани и оброки и всякие твои царские подати; да посылает, государь, на наших прикащиков и крестьян, а велит с которою твоею государевою пошлиною быть к себе в Белое село с денгами; и оне к нему с денгами твоих государевых пошлин платить приедут, и он, государь, не имав денег, да их мечет в тюрьму, да из тюрьмы внимая, мучит в правеже; да тож денги емлет, а причитает: игумен де ваш с старцы передо мною не вежливы, поминков ко мне не посылают; а денги, государь, с пуста с Пошехонья с нашия монастырские отчины по своему писму поимал сполна».⁴⁸ Отметим также, что даже «явки» о нарушениях при «свозе» крестьян, «сильно, без откату и безпошлинно», подаются в 60—70-х гг. XVI в. губным старостам и именно ими в случае необходимости проводятся на местах специальные обыски по поводу подобных нарушений.⁴⁹

Ст. 17 (ср. ст. 9 Судебника 1550 г.) запрещает заключение «мира» («учнут... старостам мир являти») между истцами и «ведомыми розбойниками и татями». Губные старосты должны отклонять подобные сделки и все дела о «лихих людях» доводить «по наказному списку» (по губным грамотам) до суда и обыска, «чтобы лихих вывести». Иначе говоря, согласно приговору, частные иски по «лихим делам» превращаются в публичное обвинение, разбирательство по которому ведется губными старостами уже независимо от желания истцов и рассматривается уже как преступление, затрагивающее общественные интересы.

В ст. 18 рассматривается вопрос о борьбе с необоснованно «великими» исками, предъявляемыми многими истцами в разбойных и татейных делах. Судя по принятому постановлению, подобные «приписки» в частных исках приняты в судебной

⁴⁷ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. I—II. М., 1909.

⁴⁸ Чтение ОИДР, 1883, кн. 2. Смесь, с. 14—15. — Грамота датируется издателями ошибочно 1582 г. (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений... с. 536).

⁴⁹ Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905, № 45.

практике середины XVI в. массовый характер. Потребовались для их пресечения чрезвычайные меры.

Приговор предписывает посылать специальные грамоты губным старостам «во все городы» с запрещением подобных приписок. Грамоты должны были оглашаться губными старостами по торгам «многие дни». Кроме того, губные старосты должны были на торгах и на иных «съездах» местного населения «говорить» князьям, детям боярским, сотским, десятским и всем людям, чтобы они в своих жалобах о разбоях и татьбе писали «по крестному целованью прямые иски без прибавки, что у них тати покралу или разбойники взяли, а лишних бы исков не приписывали некоторыми делы». Это же следовало писать губным старостам и в их грамотах, рассылаемых по волостям с предупреждением всех истцов, что за подобные «приписки» быть им от царя «в великой опале и в продаже». Если же и после указанных предупреждений истцы будут подавать завышенные жалобы — «иски великие не по делу, с прибавкой», то старостам надлежало проводить повальные обыски, в которых следовало выяснять подлинные размеры украденного или захваченного разбойниками имущества — коней, платья, «кузни» или иного «живота». Во время обысков предписывалось соизмерять иски с реальным имуществом, которым обладал пострадавший, — его хлебным и денежным «прожитком». В случаях обнаружения приписок («ложных жалобниц»), содержащих «лишок прямого иска» на 10—15 руб., губные старосты должны были вести сыск только о действительно похищенном имуществе. Тех же истцов, которые завышали иски в полтора-два раза, губные старосты передавали на поруки до царского указа, который и устанавливал размеры взыскиваемых с них штрафов («пени»). Кроме того, подобные лживые истцы вообще лишались права на возмещение своих убытков от разбоя и татьбы. Это конфискуемое по сыску у разбойников и татей имущество взималось в казну. Что касается справедливых исков, подтвержденных обысками, то по ним дела решались в обычном порядке и истец имел право на полное удовлетворение своих жалоб. Для облегчения контроля за лживыми исками на будущее приговор требовал, чтобы во время пыток разбойников обязательно выяснялось, во скольких разбоях разбойник участвовал и у кого что «имал».

Особое место в приговоре занимает ст. 19. Приговор определяет правила взимания вытей с лиц, стоящих на правеже, или исков с лиц, сидящих в тюрьмах. В этом отношении он в известной мере дополняет приговор о правеже исков от 5 мая 1555 г. Согласно приговору от 22 августа 1556 г., взимание исков по всем судным делам, вершенным до сентября 1551 г., впредь отменяется и губным старостам предписывается истцам отказать. То же самое касается взимания вытей с лиц, стоящих на правеже с этого же срока. С них также предписывается «вытей не правити». Все эти обвиняемые (ответчики) должны быть переданы на поруки «для иных дел» и, если потребуется, для пыток, но не для пра-

вежа, как специально подчеркивается в новом предписании. Так же следовало поступать (передать на поруки на этих же условиях) со всеми лицами, стоящими на правеже или сидящими в тюрьмах, но по которым нет истцов.

Иные требования предъявлялись к лицам, стоящим на правеже в вытях или сидящим в тюрьме с сентября 1551 (7060) по сентябрь 1556 (7065) г., т. е. по делам не более чем пятилетней давности. В этих случаях губные старосты должны «сыскати накрепко», могут ли виновные (ответчики) заплатить иски истцов из своего имущества («животов и статков») или они хотят «отстоять» на правеже и отсидеть в тюрьмах. Если при обыске выяснялось, что ответчики не в состоянии погасить иски («заплатить нечем» и «животов и статков» у них нет), то тогда этих людей предписывалось выпускать из тюрем на поруки, как и старых тюремных сидельцев, т. е. под условие «поставить» их поручителями перед губными старостами для иных дел и пыток. Всех же ответчиков, имеющих вотчины и имущество, но стремящихся отстояться на правеже, следовало не отпускать и выти и иски истцов продолжать с пих «править» (взыскивать). В крайнем же случае, когда все же доправить иски будет не в мочь, их вотчины и имущество продавать в счет погашения исков, раздав его истцам по расчету.

А. Г. Поляк при комментировании данной статьи высказывает предположение, что в пей речь идет о долговой задолженности.⁵⁰ При этом автор ссылается на память о правеже исков от 5 мая 1555 г. Такое толкование не вытекает из содержания статьи, которая имеет в виду выти (штрафы) и иски по различным делам, в первую очередь уголовным, поскольку в статье неоднократно упоминается возможность применения в отношении обвиняемых пыток. Взыскание долгов по судебным решениям могло входить в круг названных дел, но вряд ли они составляли главный предмет предъявляемых исков.

Ст. 20 имеет в виду случай, когда стороны досудятся до «поля» (значит, речь явно идет не о разбойных и татиных делах), но ответчик или истец начнет бить челом о замене судебного подлинника крестным целованием, поскольку ему «стояти у поля не мочпо». Приговор разрешает такую замену. Включение указанного постановления в приговор о губных делах еще раз говорит о том, что после отмены наместников и волостелей именно губные старосты выступают в роли местных судей не только по уголовным, но и по гражданским делам.

Именно последние причины — наделение губных старост судебно-административными правами бывших кормленщиков — определили включение в приговор 22 августа 1556 г. постановления о «холопьем суде» (ст. 21). Приговор дополняют статьи 76 и 77 Судебника 1550 г. о холопах:⁵¹ запрещает холопам, полу-

⁵⁰ ПРП, в. IV, с. 399.

⁵¹ Ромаянов Б. А. Комментарий к Судебнику 1550 г. — В кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 282—284.

чавшим «с боярского доклада» «отпускную» у своих хозяев, продолжать у них службу. Если это не соблюдалось, отпускные грамоты аннулировались.

Активная деятельность губных старост по надзору и регистрации «служилых кабал», а когда требуется и участие в сыске бежавших холопов, подтверждается дошедшим до нас актовым материалом второй половины XVI в. Мы имеем в виду, в частности, новгородские кабальные книги 80—90-х гг. XVI в., ведущиеся в новгородских пятинах губными старостами. Они вели опрос всех лиц, поступающих в холопство, записывали их приметы, проверяли документацию и регистрировали кабальные сделки.⁵²

Таким образом, постатейный текстологический разбор царских указов и уложений, включенных в первую Уставную книгу Разбойного приказа 1555—1556 гг., наглядно показывает, что перед нами новый уголовно-процессуальный кодекс, определяющий права и обязанности губных старост, принятие постановлений которого обусловлено в основном двумя причинами: во-первых, повсеместным введением в стране вместо обвинительного суда сысского процесса, главными элементами которого были пытка и обыск, и, во-вторых, отменой наместничьего суда и передачей судебно-полицейской власти на местах в руки губных старост. И последнее. Укрепление института губных старост, следовательно, и власти уездного дворянства (именно его интересы они представляли в первую очередь) нельзя не рассматривать как одно из определяющих явлений в складывании в России сословно-представительной монархии, олицетворяющей в своем лице своеобразное соединение приказных (бюрократических) и земских (выборных) начал в жизни центрального и местного управления России. Без этого «единения» приказного и земского строя, как бы опутывающего институтами выбора, поруки и обыска все слои русского общества, особенно местные тяглые миры крестьян и посадских людей, в их подчинении интересам растущего самодержавия, трудно понять и возникновение земских соборов, окончательно сформировавшихся в середине XVI в. в качестве высших представительных учреждений (дворян и купечества) и сыгравших в дальнейшем столь значительную роль в укреплении русского абсолютизма. Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. — важнейший источник по истории складывания феодальной юстиции и полицейского аппарата России в канун окончательного утверждения в стране крепостного строя.

⁵² Большинство новгородских книг конца XVI в., ведущихся пятинными губными старостами, опубликовано: Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938. — Данные о пензданных кабальных книгах XVI в. см.: Панеях В. М. 1) Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967, с. 145—148; 2) Холопство в XVI—начале XVII века. Л., 1975, с. 262—265. — В указанных исследованиях автор называет губных старост как одних из главных регистраторов кабальных сделок в пятинах (Панеях В. М.: 1) Кабальное холопство..., с. 54, 62, 82, 93, 94, 97; 2) Холопство..., с. 79—81 и др.).